

В 2009 году в Санкт-Петербурге мизерным тиражом в 150 экземпляров вышел первый в лингвистической практике опыт словаря аффиксоидов русского языка (далее АРЯ). Инициатором создания словаря, его основным составителем, редактором выступил Е.А. Левашов, известный петербургский лексикограф, за плечами которого богатый опыт участия в различных словарных проектах как коллективных, так и индивидуальных. Одним из первых (еще в 1959 г.) в отечественную русистику термин «аффиксоид» ввел Н.М. Шанский. В толковой лексикографии аффиксоиды были интегрированы в структуру словаря наряду с толкуемой лексикой, но не служили объектом специального описания. Только в некоторых специализированных словарях аффиксоиды (списочным порядком с указанием ранее вышедших словарей) помещались в Приложения; так, например, в «Обратном словаре русского языка» (М., 1974; далее ОС) перечисление аффиксоидов (с дериватами) заняло довольно внушительный объем (с. 894–909), что свидетельствовало о том, что активность их в русском языке велика и назрела актуальность их вычленения в качестве отдельного объекта. Однако должно было пройти несколько десятилетий, прежде чем появился монографический словарь аффиксоидов.

Данный словарь относится к специальным (дифференциальным) словарям, описывающим единицы, находящиеся на стыке между лексикой и морфемами. Отличие от словарей морфем [Кузнецова, Ефремова 1986], словооб-

разовательных словарей [Тихонов 1985; Ефремова 1996] или словообразовательно-морфемного словаря [СМС 1997, 1998] в том, что здесь предлагается семантическая характеристика леммы с дробной семантической структурой, цитатным материалом, модельными образованиями, этимологией. Отличие АРЯ от списочного словника аффиксоидов в упомянутом ОС также явственное; например, префиксоид *авто...* в ОС дан с подтверждением 49 производных (без семантической дифференциации), в АРЯ этот префиксоид получил детальную семантическую разработку (выделено 5 «значений») с иллюстративным цитатным материалом. Поэтому по типу подачи материала АРЯ гораздо ближе к толковым (дескриптивным) словарям. Цель данного словаря определяется следующим образом: «сам словарь по неволе явится теоретическим и практическим исследованием русских аффиксоидов» [АРЯ 2009: 8]. Поскольку АРЯ заявлен как синтез теории и практики, мы также последуем этой концепции и постараемся прокомментировать как теоретические, так и практические аспекты реализации идеи. В теоретическом плане мы считаем необходимым кратко рассмотреть концепцию аффиксоидов на более широком, не только русском, фоне, чтобы яснее и объемнее представить масштаб выполненной работы и проблемы, возникшие в процессе создания АРЯ.

Аффиксоиды в теории словообразования часто рассматриваются в зоне таких словообразовательных категорий, как *сложные слова*,

унификсы, конфиксы, радикалоиды, инфиксы, блендинг, композиционные дериваты, элементы переходной зоны, молодые аффиксы, псевдоаффиксы и т.п. Таким образом, в национальных лингвистиках идет активный поиск ниши для такого словообразовательно-лексического феномена, как аффиксоиды. Их исследование ведется активнее в лингвистике тех языков, где словообразование имеет давние и богатые традиции изучения, где оно уже выделилось в самостоятельный раздел языкознания. Например, во французской лингвистике словообразование – это часть лексики / лексикологии, где десемантизированные лексические элементы, ставшие актуальными словообразовательными средствами, рассматриваются в первую очередь с точки зрения пополнения фонда французской лексики [Лопатникова, Мовшович 2001; Lehman, Martin-Berthet 2002; Thiry et al. 2002].

В русской и немецкой лингвистиках, напротив, словообразование уже давно и прочно «отвоевало» себе место среди ярусов языкознания, и поэтому изучение аффиксоидов среди смежных явлений, их типология, структура представляют популярную и актуальную проблематику исследований. В то же время в нидерландской, шведской, датской национальных школах эта тема является явно периферийной, а в финской, пожалуй, эта категория вообще «спрятана» в категории сложных слов. Если аффиксоиды в немецкой лингвистике – это «часто полемически дискутируемая тема» (*oft polemisch diskutiertes Thema*), то в Нидерландах до сих пор она даже не является серьезно от-рефлексированной и представляет скорее терминологическую тонкость, нежели самостоятельный языковой феномен ([Thema] wird auch wenig über die Terminologie nachgedacht), несмотря на то, что языки дают много сходного в аффиксоидных дериватах [Leuschner, Wante 2009].

Шведские лингвисты пытаются создать теорию аффиксоидов с опорой на немецкую традицию и научную литературу, используя для анализа данные корпуса немецкого языка (созданного в Мангейме) и шведского языка (в Гётеборге). В результате сопоставления большого корпуса примеров составлены списки словесных пар сравниваемых языков: 1) пары-когнаты (однокоренные слова, имеющие общее происхождение и сходное звучание), 2) семантические пары, 3) пары без соответствия, причем слова с суффиксоидами входят только в первую и вторую группу и показывают большую близость двух языков; напротив, слова с префиксоидами являются национально-специфичными – и в немецком, и в шведском они часто экспрессивно окрашены [Ascoop 2005].

Разумеется, обостренный интерес или отсутствие такового среди лингвистов не в последнюю очередь основывается на грамматической структуре языка: если английский и французский, например, предпочитают выражать понятия скорее при помощи словосочетаний, чем сложных слов (например, франц. *machine à écrire* ‘пишущая, печатная машинка’), то финский напоминает больше немецкий и шведский (то же понятие выражается в них схожим в структурном отношении образом: фин. *kirjoituskone*, нем. *Schreibmaschine*, швед. *skrivmaskin*). Даже и в близкородственных языках отличия в образовании слов могут быть значительными: в эстонском в сложных словах в первой части намного чаще употребляется генитивная форма, в финском – начальная, исходная: эст. *päevakava* «распорядок, режим дня» (не **päevkava*), фин. *päiväohjelma* (< *päivä* ‘день’, *ohjelma* ‘программа’, где оба элемента агглютинируются в одно сложное слово в исходной форме) [ISK 2004: § 398–402]. В таком случае и грамматическая квалификация слов в близкородственных языках будет, разумеется, различной. Вернемся к немецкому: процесс формирования аффиксоидов на базе корней в немецком языке в наше время не нов, он продуктивен уже достаточно длительное время. Ш. Балли полагал, что современный немецкий «старается сохранить это промежуточное состояние» [Балли 2001: 334], поэтому и не прекращаются дебаты среди лингвистов о статусе таких «промежуточных» (между корнем и аффиксом) элементов.

Обсуждение проблемы аффиксоидов тесно сопрягается, как ни покажется это странным на первый взгляд, с областью не совсем «лингвистической», оно связано с метаязыковым представлением о языке (как «наивных» носителей языка, так и специалистов). Кроме того, эта метаязыковая проблематика в наше время глобализации мотивирована и педагогической практикой. Дериваты с аффиксоидами, модели их формирования могут быть достаточно прозрачными для носителей языка, однако для иностранцев использование аффиксоидов (даже интернациональных) представляет одну из трудных зон, поскольку почти невозможно объяснить прихотливость комбинаторики тех или иных элементов в составе слова. Неслучайно исследователями подчеркивается мысль, что в процессе образования слов с аффиксоидами различия в оттенках дериватов «не всегда лежат на поверхности их значения»: ср., например, весьма тонкие отличия немецких существительных на *-zeug* (например, *Schreibzeug*) и *-werk* (*Schreibwerk*), прилагательных на *-gemäß* (*schulgemäß*) и полной (автосемантической) формы *gemäßig*. Суффиксоиды в немецком,

которые сохраняют в языковом сознании этимологическую связь с корнем, имеют намного больше шансов стать активными, чем иноязычные суффиксоиды, такой смысловой «подпитки» лишенные [Нарыкова 2006]. Один из пионеров в сфере изучения аффиксоидов в русском языке Н.М. Шанский также подчеркивал: «аффиксоиды, употребляясь как аффиксы, <...> продолжают оставаться и четко осознаваться (выделено нами. – А.З.) корневыми морфемами или основами, сохраняющими свои семантические и генетические связи с соответствующими корнями...» [Шанский 1968: 16].

Одна из самых трудных теоретических и практических проблем – выделение аффиксоидных единиц, их отграничение от сходных словообразовательных феноменов, обоснование их самостоятельного лингвистического статуса. Так, если немецкие лингвисты Й. Эрбен [Erben 1993], Г. Велльман [Wellmann 1975] такие морфемы, как *-voll*, *-reich*, *-arm*, *frei*, *-leer* (при образовании имен прилагательных), *-werk*, *-zeug*, *-wesen*, *-gut* (при образовании имен существительных) однозначно относят к элементам сложных слов, то В. Фляйшер, напротив, безусловно относит их к аффиксоидам [Fleischer 1982]. Аналогичная ситуация наблюдается и в русском языке, однако для ее подробного обсуждения здесь нет необходимости, поскольку для читателя не составит труда заглянуть в литературу предмета. В европейской лингвистике предлагаются дробные, детализированные сетки для вычленения аффиксоидов [Grammatikalisierung 2005], есть также иные методики отграничения аффиксоидов от элементов композитной деривации (Kompositionsgliedern), аффиксоидов от аффиксов [Elsen 2009], разрабатываются тесты на проверку степени «аффиксоидности» словообразовательного элемента [Stevens 2005]. Подчеркнем здесь лишь то, что вот уже на протяжении нескольких десятилетий в германоязычной лингвистике (где эта тема традиционно очень популярна и актуальна) строятся, отвергаются, модернизируются, конкретизируются различные методики выделения аффиксоидов.

Один из инициаторов возобновления научной дискуссии об аффиксоидах в российской (советской) лингвистике в начале 1980-х годов Э.А. Григорян предлагал такую модель ступеней (или даже лучше сказать – степеней) «аффиксоидности»: нулевая (0), первая (1), вторая (2); центральным критерием при отграничении ступеней является наличие в элементе «количества» конкретного и абстрактного содержания (чем дальше аффиксоид от семантики корневой, базовой, лексемы, тем «больше» у него абстрактного содержания) [Григорян 1981]. Однако как практически (да и теоретически)

«измерить» эту «содержательную количественность», вообще – «содержание» в языковом элементе? Неслучайно в современном русском словообразовании существуют диаметрально противоположные взгляды на признание/непризнание того или иного элемента, например, «чистым» суффиксом или суффиксоидом.

Некоторые специалисты в 1970–1980-е годы стали выступать за более свободное, широкое (семантическое) понимание словообразовательного форманта по сравнению с узким и довольно статичным, кодифицированным в «Русской грамматике» (1980). В частности, Р.С. Манучарян предпочитал говорить о словообразовательном значении «обычного» аффикса как «относительном словообразовательном» значении (содержащем в себе отношение к другому значению, модифицируемому). Надо учитывать не просто аффиксальные (традиционные) способы словообразования, но нужно принимать во внимание мощно растущий класс сложных слов, композитов, блендов, где словообразующий элемент отличается от «привычных» аффиксов *-ик*, *над-*, *под-*, *-ан* и т.п., составляющих своеобразный «центр» словообразовательной системы [Манучарян 1974; 1976]. «Периферия» словообразовательной системы стала намного смелее вторгаться в ее «центр», произошло перераспределение границ, стирание жестких граней и формирование переходных явлений (как, в частности, в случае с аффиксоидами). Обсуждение теории аффиксоидов напрямую затрагивает лексикографическую практику.

В теории и практике лексикографии в национальных филологических традициях уже давно обсуждается вопрос о структуре и месте аффиксоидных феноменов, способах их подачи, приемах семантического описания, отражения вариативности и т.п. Например, в немецкой лексикографии описание аффиксоидов как лемм (т.е. заголовочных слов в словаре) стало интересовать лингвистов уже в середине 1980-х годов, и эта проблематика является одной из активно дискутируемых в немецкой лексикографии по крайней мере уже на протяжении почти 30 лет. Еще в 1985 г. появилась обзорная статья Э. Телленбах, рассматривавшей способы подачи целой группы (в некоторых аспектах) схожих и взаимопересекающихся понятий/терминов: «аффикс», «префикс», «суффикс», «аффиксоид», «префиксоид», которые по-разному давались в наиболее авторитетных немецких словарях: «Wörterbuch der Deutschen Gegenwartssprache» (Berlin, 1964–1977), «Handwörterbuch der deutschen Gegenwartssprache» (Berlin, 1984), «Das große Wörterbuch der deutschen Sprache in sechs Bänden» (Mannheim, 1976–1981). В этой же

статье она предлагала критерии адекватного представления, в частности, такого сложного (в теоретическом и практическом плане) объекта описания, как аффиксы и аффиксоиды для будущих изданий толковых словарей немецкого языка [Tellenbach 1985]. Однако среди немецких лексикографов все-таки преобладает сдержанная позиция: строгая классификация разных переходных явлений и тяготения некоторых единиц к корню «с точки зрения практического лексикографического эффекта» не вполне разумна в словаре, поскольку в языковом континууме аффиксоиды уподобляются обычным аффиксам [Mugdan 1984].

Немецкие лингвисты изучали аффиксоидную проблематику, в частности, и опираясь на современную им советскую лексикографию; в результате анализа МАС-1 и МАС-2 оказалось, что дериваты с элементом *-образный, -видный* подаются в словарях по тому же принципу, что и слова с аффиксоидами типа *авто-, фото-* [Birkenmeier 1998: 1720]. Вывод был таков: в российской (советской) лингвистике и лексикографии еще не произошло отмежевания этих словообразовательных феноменов друг от друга. Любопытно, что в АРЯ аффиксоиды *-видный, -образный* вообще не регистрируются, очевидно, на том основании, что с точки зрения выбранной в АРЯ концепции они представляют собой аффиксоиды усложненной структуры. Даже этот небольшой пример хорошо иллюстрирует трудность формирования достаточно полного списка аффиксоидов в русском языке и показывает различие теоретических позиций составителей.

В лексикографии отношение к аффиксоидам именно как к промежуточной (синтетической, между «центром» и «периферией») сфере заставляет составителей / редакторов чаще всего избегать этой проблемной зоны, помещать дериваты с такими словообразующими элементами в привычные разряды, классы, тем самым выводя из лемматизируемого материала; в частности, десяти томный словарь казахского языка (*Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі / Под рук. А. Искакова. Алматы, 1974–1986*) отказался от включения в словник многих сотен производных с аффиксоидными элементами *-бай, -бек, зада, -нама, -тану, -хана, -құмар, -аралық* [Касым 2007].

Очевидно, достаточно осторожное отношение лексикографов в традиционной (толковой) лексикографии к выделению новых словообразующих единиц не в последнюю очередь обусловлено (профессионально-осторожным) языковым чутьем составителей словаря и наличием словарным / языковым обеспечением. Лексикограф часто не осмеливается выделить частотный элемент, не укладывающийся в

рамки привычных словообразовательных таблиц и элементов, в качестве самостоятельного (автосемантического) компонента (неизвестно, как поведет себя элемент даже в ближайшем будущем), в результате чего многие аффиксоиды оказываются «спрятанными» в категории сложных слов (композигов). Дихотомические кандалы «компонент сложного слова ↔ аффикс» часто не давали простора «родиться» аффиксоиду как самостоятельной лемме в словаре, поскольку, как образно выразилась одна из активных участников обсуждения данной темы Э. Доналис, аффиксоид – это уже «больше не слово (*Nicht-mehr-Wort*), но еще и не аффикс (*Noch-nicht-Affix*)» [Donalies 2005: 25]. Большую роль играет и количественный параметр. Так, один из специалистов-англистов предлагает дифференциацию терминов и понятий «полусуффикс» и «суффиксоид» провести на базе количественного критерия: полусуффикс – это формант, 1) используемый по меньшей мере 100–200 производных (*sic!* – А.З.), 2) имеющий четкое словообразовательное значение, 3) частично сохраняющий лексическое значение, 4) способный употребляться самостоятельно, 5) немного длиннее суффикса; суффиксоид – это формант, 1) давший 32–50 производных (*sic!* – А.З.), 2) обладающий слабым словообразовательным значением, 3) имеющий хорошо сохранившееся лексическое значение, 4) фонетически близкий к среднему английскому слову (3–5 фонем) [Бартков 1980]. Исследовательский вопрос, даже с такими точными и скрупулезными выкладками, тем не менее остается: может ли количественный фактор (к тому же изменчивый и даже весьма прихотливый, зависящий порой от языковой моды) даже в синхроническом плане быть одним из ведущих инструментов при «измерении» степени аффиксоидности и разведении терминов «полуаффикс» и «суффиксоид», а если и может, то как исчислить его нижнюю и верхнюю границы?

Английский лингвист Г. Кэннон, изучавший процентное соотношение неологизмов в английском в диахронии, полагал, что в английском языке появление слов идет в основном за счет аффиксальных производных: используется 103 суффикса, 127 аффиксоидов (напомним, его подсчеты относятся к 1980-м годам). Есть среди них, конечно, как и в каждом языке, свои «герои» и «модники»; среди префиксоидов: *eco-, mini-, taxi-, mega-, cine-*; среди суффиксоидов: *-oholic, -gate, -natcher, -mansship* [Cannon 1987].

Как заявлено в предисловии, базой АРЯ послужили «источники массового чтения», а также толковые, орфографический, обратный, инверсионный диалектный словари [АРЯ 2009: 7].

В результате сбора материала из разных словарей и подсобных картотек, хранящихся в ИЛИ РАН, АРЯ фиксирует 684 префиксоида и 183 суффиксоида, данных как заголовочные толкуемые леммы; очевидно явное преобладание префиксоидов в русской словообразовательной системе. Рассмотрим проблемы, возникшие при формировании словника.

Первая проблема. Основанием для включения элемента в словник служит по меньшей мере два зафиксированных употребления с аффиксоидом [АРЯ 2009: 6], позволяющих говорить о некоторой укорененности слова в языке; иногда дериватов оказываются десятки. Кроме того, в АРЯ принято положение, что аффиксоиды «являются морфемами и не могут содержать в себе никаких других компонентов», таким образом – «морфемное членение» [АРЯ 2009: 7] оказывается тем «скальпелем филолога», который отсекает вторичные дериваты (т.е. то, что «больше морфемы»): в АРЯ помещаются дериваты с компонентом *...вер* (*старовер*, *легковер*), но отсутствуют с осложненным компонентом *...верка* (*староверка*, *легковерка*) как дериваты второй ступени (напомним: возможно, по этой причине в АРЯ не попали и аффиксоиды на *-образный*, *-видный*). Однако на этом пути составителей подстерегают теоретические трудности как в синхронном, так и в диахроническом плане. Возможно ли установить в синхронном плане первичную и вторичную производность среди таких суффиксоидов, как *...крат* и *...кратия*? что появилось в современном массмедийном языке сначала – ряд типа *партократия*, *коммунокрания*, *сталинокрания*, *дерьмокрания*, *ельцинокрания*, *путинокрания* (ряд можно продолжать) или слова с суффиксоидом *...крат* (этот суффиксоид разработан в АРЯ)? Не произошло ли в новейшем русском языке так, что производные на *...крат* и *...кратия* относились к разным словообразовательным моделям: суффиксоид *...крат* пришел в русский язык от новейших «европейских» заимствований типа *еврократа* (англ. *eurocrat*), а слова на *...кратия* возникли (на потребу дня) по модели давно освоенных русским языком политических терминов типа «демократия», «бюрократия», где (согласно словообразовательным словарям) выделяется суффикс *uj(a)* (от мотивирующих основ *демократ*, *бюрократ*) и в этом случае их следует рассматривать не как вторичные производные от *...крат* с «наращенным» суффиксом *-uj(a)*? Не произойдет ли так, что, признав одноморфемность аффиксоида важнейшим мерилом, мы потеряем (в дескриптивном описании и систематизации аффиксоидов русского языка) некоторые группы аффиксоидов, возникшие: одни – в результате заимствования, другие –

автохтонно, уже на почве русского языка? Если же обратиться к диахроническому материалу, то и тут не все просто: в АРЯ дан суффиксоид *...дцать* (из числительного *десять*) [АРЯ 2009: 88] в составе числительных; кроме того, приведена лексикализованная форма в образном употреблении (*на ...дцать лет*, *на ...дцать килограммов*). Но разве можно смешивать явную лексикализацию и аффиксоидность? Мы полагаем, что в данном вопросе нужна серьезная теоретическая проработка этой сложной темы, где сходятся сразу несколько словообразовательных проблем: соотносительности аффиксоидов, хронологии их появления, синхронической и диахронической деривативности, членимости дериватов.

Вторая проблема формирования словника заключается в следующем. В предисловии указано, что не признаются аффиксоидами «единичные по употребительности, не повторяющиеся в речевом потоке аффиксоподобные компоненты» [АРЯ 2009: 6] типа *заксобранье* (однако в российской прессе используется другое производное – *закпалата*), *машбюро* (однако есть *машмастерская*), *стабфонд* (однако есть *стабденьги*, *стабзаём*), *пухизделие* (но есть *пухматериал*), *футзал* (но есть *футспорт*) и другие аффиксоиды. Ясно, что упомянутых здесь лемм АРЯ в своем словнике недосчитался, но сколько их могло бы быть еще?

Третий аспект – состав словника. В целом перевес в сторону общелитературных и научно-книжных производных в АРЯ дериватов очевиден, но в словаре фиксируются, например, некоторые слова не специального, а вполне повседневного бытования: диалектные (*-бай*: *баскобай*, *гладкобай*, *сладкобай*), разговорно-сниженные (2. *...ворот*: *рыловорот*, *мордоворот* (приведено только 2 деривата, хотя можно добавить грубые разговорные номинации *носоворот*, *хареворот*) и даже попал локализм (*-фак*: *фрейдфак* (в образном употреблении) – психологический факультет СПбГУ). Невольно рождается вопрос: каковы критерии отбора и помещения в словарь дериватов из сниженных регистров (просторечие, разговорный пласт лексики, жаргон) и почему упомянутому петербургскому локализму «повезло» больше, чем другим, ведь слова с аффиксоидами обильно представлены, например, в словарях разговорной и региональной речи [ССРГ 2003; Химик 2004], многочисленных словарях разных видов жаргона.

Наконец, четвертый аспект объема словника. В АРЯ приведены некоторые префиксоиды, как: *лен...* (ленинградский), *мос...* (московский), *сиб...* (сибирский), *уз...* (узбекский), *укр...* (украинский) и т.п. Почему в нем не ока-

залось, например, лемм *баш...* (башкирский), *тат...* (татарский), *удм...* (удмуртский) и подобных? Насколько полно словарь аффиксоидов русского языка должен отражать топонимические производные? Каковы критерии отбора топонимических аффиксоидов в словарь? Ответов на эти вопросы в предисловии, к сожалению, нет.

Итак, рассмотрение некоторых аспектов формирования словника рождает главный вопрос: не окажется ли в таком случае, что в реальном русском языковом пространстве функционирует больше аффиксоидов, чем отражено в АРЯ? По нашему мнению, при составлении словаря аффиксоидов:

1) необходима самостоятельная картотека, фиксирующая подобные промежуточные единицы, с предварительной выработкой цельной и достаточно непротиворечивой теории;

2) в силу промежуточности статуса аффиксоидов в языке, их сильной зависимости от модных (сиюминутных) деривативных процессов необходима тщательная (пере)проверка наличного фонда аффиксоидов с целью мобильной регистрации инноваций.

Проблема вычленения аффиксоидов – трудный теоретический вопрос, не имеющий однозначного решения как на базе русского материала, так и других языков, где активно обсуждаются аффиксоидные проблемы. Бурный поток, шквал иноязычной лексики в последние два десятилетия ввел в русский язык многие сотни слов, бытовавших ранее в европейских языках. Вопрос заключается в следующем: какую роль в вычленении аффиксоида играет русское языковое чутье и каким образом оно корреспондирует с профессионально-лингвистической процедурой вычленения аффиксоида как словообразующего регулярного элемента? Многие приведенные в АРЯ дериваты являются заимствованными, оформленными в морфологическом отношении «по-русски». Приведем несколько примеров: в словаре выделен префиксоид 2. *арм...* (из англ. *arm* ‘рука’, однако в АРЯ дано, что этот аффиксоид выделился из слова *армрестлинг*) и приведены дериваты, однако все они – или прямые заимствования, или кальки: *армрестлинг* (англ. *armrestling*), *армспорт* (англ. *arm sport*), *армстол* (англ. *arm table*), *армшоу* (англ. *arm show*). Другой популярный ныне префиксоид *боди...* дан уже как заимствование из англ. *body* (кстати, почему тогда 2. *арм...* дано от *армрестлинг*, а не от *arm*?) и приведены «русские» производные, но без указания иностранных соответствий: *бодимассаж* (англ. *body massage*), *боди-арт* (англ. *body art*), *боди-шоу* (англ. *body show*), *бодиперсинг* (sic!; англ. *body piercing*; кажется, в узусе чаще используется другая форма: *боди-*

пирсинг). Такие же вопросы и сомнения возникают по поводу многих выделенных аффиксоидов: *бис...*, *блок...*, *гейт...*, *гомо...*, *дактило...*, *...дром*, *евро...*, *квали...*, *комби...*, *...ман*, *пси...*, *уни...*, *уро...*, *...фаг*, *эрто...* и др. Насколько оправданно видеть в них аффиксоиды? Если выделены эти, то почему остались в тени, в частности, такие: *...кар* (*автокар*, *спорткар*, *грузокар*, *VELOкар*, *аэрокар*), *интим...* (*интим-услуги*, *интим-бар*, *интим-телефон*, *интим-парень*, *интим-герл*, *интим-игра*, *интим-игрушка*, *интим-салон*) и проч.? Не является ли префиксоидом старый элемент *статс...* (*статс-секретарь*, *статс-советник*, *статс-дама*; из нем. *Staat* – «государственный»), который отсутствует в АРЯ? Что делать с такими компонентами в псевдозаимствованиях типа *брейн.../брэйн...* (от англ. *brain* ‘мозги’), (*брейн-ринг*, *брейн-совернование*, *брейн-игра*, *брейн-боу*); эти слова кажутся иноязычными, но на самом деле созданы на базе русского языка с использованием иноязычных моделей, например, термины «джерман дог» (рулет с франкфуртской сосиской), «слайс-бар» (место, где продают пиццу ломтиками) [Dunn 2000]. Компонент *брейн/брэйн-* скорее всего получил активизацию после своего родоначальника *брейн-ринг* (от англ. *brain* «мозги»), которое, в свою очередь, является авторским языковым продуктом Б. Бородин, О. Балазанова, М. Белоцерковского, А. Рубина (г. Днепропетровск, 1987 г.) (такая справка приведена в [НСЗ-90: 224]).

Спецификой деривации в языке нашего времени является появление в узусе сразу целой группы слов; особенно это касается актуальных и часто эксплуатируемых понятий в массмедийном пространстве. Значит ли это, что лексикографам сразу же надо выделять аффиксоид в заимствованных словах, хотя на русской языковой почве этот элемент встречается только в составе новозаимствованных слов, является ли такой новорожденный аффиксоид полноценной морфемой в русском языке? То, что в русском языке появились такие заимствования, как *отель*, *мотель* (старые заимствования) и *флайтель* (гостиница при аэропорте), *ротель* (новейшее заимствование, значит ‘гостиница на колесах’, англ. *rotel*, сокращ. от *rolling hotel*, или нем. *Rotel – das rollende Rotel*), значит ли это, что требуется выделять «русский» аффиксоид *...tel*? (Поскольку эти лексемы функционируют в английском дольше, чем в русском, английские лингвисты уже предлагают рассматривать данный элемент как суффиксоид. Ясно, что глобализация многократно ускоряет процессы языкового взаимодействия, уже ближайшее время покажет, можно ли будет признать в русском этот аффиксоид и, следовательно, лемматизировать в словаре.)

Вариантность аффиксоидов – реальность языковая, требующая адекватного лексикографического отражения. В лингвистике часто различают термины «вариантность» (то, что уже существует в языке) и «вариативность» (потенциальные формы). В АРЯ зафиксированы аффиксоиды, которые уже «состоялись» в русском языке, но существуют в виде вариантов: ...арий (океанарий) и ...ариум (океанариум), интра... (интраверсия) и интро... (интроскопия), лесби... (лесби-опыт) и лесбо... (лесбосемейство). Реальная языковая практика дает, однако, больше вариантных форм, чем отмечено в АРЯ. Приведем их небольшой перечень, причем разных типов:

1. Фонематические варианты: ауто... и авто... (аутотренинг и автотренинг), данс... и дэнс... (дансплощадка и дэнсплощадка), зиц... и зитц... (зицпредседатель и зитцпредседатель), ипто... (иппотерапия) и гипто... (гиппотерапия), ...ленд (Диснейленд) и ...лэнд (Диснейлэнд), ман... (суперман), мен... (супермен) и ...мэн (супермэн) и др.

2. Графические варианты: индо- и индо..., иудео- и иудео... лайт- (лайт-напиток) и лайт... (лайтнапиток), нано- (нано-продукт) и нано... (нанотехнологии), масс- (масс-культура) и масс... (масскультура), невро... (невролог) и нейро (нейролог) и др.

Если словарь претендует на роль «наиболее полного словаря русских аффиксоидов» [АРЯ 2009: 8], то ему следует серьезно отнестись к проблеме вариантов, их теоретическому обоснованию, лексикографической презентации.

Кроме того, с этим же связан вопрос о структуре подачи аффиксоида. В АРЯ разведены в две словарных статьи леммы комс... и комсо... (с одинаковой производностью: от комсомольский), но в первом случае префиксоид существует как усечение, а во втором – с интерфиксом (соединительной гласной о), но каковы тогда мотивы их разграничения? Следует ли аффиксоид с интерфиксом рассматривать как отдельную лемму в словаре или все же отнести эту усложненную морфему (аффиксоид) в базовую лемму, в данном случае – в словарную статью комс... (не будем обсуждать эту тему, но укажем, что в теории словообразования есть разные позиции по данному вопросу)? Внимание к вариантам должно быть особенно повышенным, так как в русском языке в наши дни появляется довольно много элементов, которые претендуют на роль аффиксоидов, стремятся попасть в их репертуар. Ведь именно при помощи вариантов и происходит вхождение, адаптация, проверка их в русской графико-орфографической и фонетической (фонематической) системе русского языка.

Также не стоит пренебрегать возможностью лексикографической отсылки аффиксоидов друг к другу: в АРЯ дан префиксоид 1. ин... (иностранный) [АРЯ 2009: 104] и 2. ино... (иностранный) [АРЯ 2009: 106]. Если дается дистантное расположение аффиксоидов с тем же значением и схожей структурой, то для читателя было бы полезно поместить отсылочную справку.

Семантическая разработка словарной единицы – всегда нелегкая задача. Выделение «значений» в данном типе языковых формантов единиц достаточно условно, потому что мы имеем дело с единицами как словообразовательного, так и лексического уровня, и главная проблема заключается в необходимости выработки такой дефиниции, которая бы была нацелена на показ именно словообразовательного (обобщенного) значения, на которое, несомненно, «давит» значение лексической базовой единицы. В АРЯ не ранжированы «значения» под номерами (что совершенно справедливо), а помещены за «тире Срезневского»; например, этот знак в «Словаре русского языка XVIII в.» употребляется в функции «аспект значения или применение». Семантизация леммы, распадающейся на ряд значений, границы между которыми зачастую текучи, подвижны, – всегда один из труднейших этапов лексикографической работы. Кажется, что в этом трудном деле АРЯ в целом достойно выдержал испытание. Укажем, однако, на несколько проблемных пунктов, привлечших наше внимание.

Разумеется, совсем нелегко при таком специфическом («промежуточном») материале решить: в какой лемме доминирует лексическое (более детализированное), в какой – словообразовательное (более абстрактное) значение, однако то, что в лексикографируемом материале степень аффиксоидности («лексичности») оказывается различной, не подлежит сомнению. Именно поэтому далеко не всегда можно отграничить одно «значение» (более лексичное) от другого (более абстрактного, с затухающей лексичностью). Например, в АРЯ выделен префиксоид гетеро... с общим толкованием «основанный на различии, разности, непохожести» [АРЯ 2009: 65], суффиксоид ...ген «тот, который имеет своим происхождением то, что указано в слове ранее» [АРЯ 2009: 64] и др., но в то же время префиксоид граф... «раздроблен» даже на три «значения», среди которых первые два очень близки по словообразовательной семантике «прибор для записи, регистрации» и, на наш взгляд, едва ли требуют отграничения на основании дифференциальных признаков; в противном случае мы вступаем уже в сферу лексической семантики корневой леммы [АРЯ 2009: 74]. «Значения»

слова *мини...* и *миди...* поданы по-разному: в *миди...* на первом месте идет «значение» «средней длины (о верхней женской одежде)» (например, *миди-пальто*), на втором месте – более абстрагированное «характеризующийся средними, умеренными показателями» (например, *миди-ралли*) [АРЯ 2009: 151]. В то же время в *мини...* на первом месте «значение» «небольшой по физическим размерам» (например, *мини-трактор*) и только на последнем, четвертом, – «очень короткий по длине (*об одежде*)» (например, *мини-юбка*) [АРЯ 2009: 153–154]. Для читателя остаются неясными мотивы и критерии такого размещения «значений» схожих слов/аффиксоидов в рамках специализированного словаря.

Таким образом, разграничение лексической и словообразовательной семантики представляет труднейшую и актуальнейшую проблему: если в толковом словаре такие дефинитивные шероховатости достаточно легко маскируются в общем фонде лексикографируемого материала основных разрядов слов (имена существительные, глаголы, прилагательные, числительные и др.), то здесь все на виду, каждая лемма как на лобном месте. Очевидно, потребуется свести в классы, парадигмы, группы аналогичные дериваты и попытаться выделить в них некоторый общий словообразующий (формализованный) компонент, который, с одной стороны, базировался бы на лексическом значении, но с другой – «возвышался» над ним как элемент иного, деривативного, порядка. Пример: в АРЯ приведен префиксоид *библио...* с толкованием «относящийся к книгам»; на первый взгляд может показаться, что такая дефиниция слишком обобщенна, абстрактна и способна к семантическому развертыванию, например: «относящийся к книгам и их собиранию, хранению, транспортировке, изучению и т.п.» [АРЯ 2009: 38]. Это толкование выглядит особенно «куцым», если мы сравним толкования других аффиксоидов с порой весьма развернутыми формулировками, например: 1. *арт...* «относящийся к артиллерийскому огню, к стрельбе из орудий» [АРЯ 2009: 25] (а таких примеров можно привести сотни). Как поступить в этом последнем случае? Давать ли дефиницию предельно обобщенно, указывая только семантическую архисему в аффиксоиде (*библио...*) или же добавлять в толкование некоторые дополнительные, вспомогательные, дифференциальные признаки, «заимствуя» их из лексического значения исходного слова? Достаточно ли информации (словообразовательной и лексической) в толковании префиксоида *групп...* «относящийся к группе» (*группом, группомсорг*) [АРЯ 2009: 75], не требуется ли здесь добавки семантически релевантных дифференциальных сем «о

людях»? Вопрос о соотношении лексичности и деривативности в структуре аффиксоида, его лексикографировании открыт и требует дополнительного изучения.

В АРЯ предложена этимологическая справка как для славянской, так и для иноязычной лексики, послужившей источником аффикса. Этимон понимается в первую очередь как мотивирующее слово, помогающее объяснить семантику аффиксоида. Справедливым представляется такое решение составителей АРЯ: префиксоид *мото...* «разведен» на три омонима и к каждому приведен свой, характерный для него «этимон»: 1. *Мото...* (< мотор, моторный), 2. *Мото...* (< моторизованный), 3. *Мото...* (< мотоциклетный) [АРЯ 2009: 158–159]. «Этимон» в этом случае действительно помогает читателю увидеть пути специализации элемента *мото...* в русской словообразовательной системе и формирование трех самостоятельных рядов дериватов, где встречается формант *мото...* Для заимствованных из иностранных языков аффиксоидов (*ихтио...*, *морфо...*, *...план* и др.) выбран верный путь: дан греческий, латинский, немецкий, английский и т.д. первичный и/или вторичный источник (в случае, если его возможно установить). Но есть и многие проблемные зоны. Аффиксоид – это такой лексико-словообразовательный элемент, который вычленяется в языке как достаточно регулярная словообразовательная морфема и дает пучок производных. Однако, что считать этимоном, например, дериватов на *...гейт*: в словаре дан «этимон» *Уотергейт* «политический скандал в США» [АРЯ 2009: 61]. По нашим наблюдениям, этот аффиксоид получил развитие в русском языке в 1980–1990-е годы, когда на страницах прессы появились иноязычные обозначения с этим элементом, причем сначала он был осмыслен как словообразующий аффиксоид в европейских языках, а затем уже был трансплантирован в составе дериватов в русский язык. Для сравнения: в АРЯ приведен целый ряд слов с суффиксоидом *...бург*: Бранденбург, Люксембург, Маренбург [АРЯ 2009: 45], показывающих действительное вычленение в русском языке модели на *...бург*; суффиксоид *...тлон* (< англ. *aquathlon, diathlon, triathlon*) [АРЯ 2009: 244], а вот *...гейт* оказался в словообразовательном одиночестве. Итак, вопрос о том, какой элемент признать «этимоном» для выделенного аффиксоида *...гейт* – английский аффиксоид *-gate* (по нашему мнению, именно его) или русифицированную форму *Уотергейт* (от единичного наименования, промелькнувшего на страницах советских газет в 1970-е годы и приведенного в АРЯ) – также требует теоретического прояснения.

Не менее важен вопрос о том, давать ли в качестве «этимона» иноязычное начальное, базовое значение или же переносные? В частности, к префиксоиду *фельд...* дан немецкий «этимон» *Feld* «поприще» [АРЯ 2009: 257], в то время как исходным (неметафорическим, прямым) значением немецкого слова является «поле»; кстати, приведенный в АРЯ «этимон» слабо объясняет целую группу дериватов типа *фельдмаршал*, *фельджандармы*, *фельдполиция*.

Много неясностей и разнобоя в приведении старославянских/церковнославянских «этимонов»: если 1. *хладо...* в АРЯ приведено с «этимонем» *холод* [АРЯ 2009], то *младо...* – от «младой» (почему не *молодой*?), *лже...* – от «лживый» [АРЯ 2009: 154], префиксоид *любо...* – от «любовь» (разве не от древнерусского *любый* «любимый»?) [АРЯ 2009: 138], префиксоид *досто...* – от «древнерусской частицы *досто*» [АРЯ 2009: 85] (разве в древнерусском была такая частица? Разве аффиксоид может рождаться также из частиц, а не только от корней, как теоретически определено в предисловии АРЯ?). Надо быть внимательным к приведению «этимона» из родственных языков: «этимонем» суффиксоида *роб...* (хлебороб, землероб) объявляется в АРЯ разговорно-просторечное слово «робить», но, очевидно, этот аффиксоидный элемент (да и само слово *хлебороб*) – из украинского языка (такая отсылка уже есть в «Словаре русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова (Т. 4. Стб. 1152), где у слова *хлебороб* есть пометы – *укр.[аинское]* и *книжн.[ое]*). Префиксоид *зауряд...* (зауряд-прапорщик, зауряд-дипломат) имеет «этимон» *зауряд* [АРЯ 2009: 98], что у читателя также рождает вопросы: что это такое? какое значение имеет? показан ли здесь процесс историко-этимологического «склеивания» существительного с предлогом?

Не следует ли унифицировать подачу таких совершенно однородных (с точки зрения «этимона») префиксоидов, как *мини...* и *миди...*: в *мини...* дан «этимон» – «< англ. *mini*, < лат. *minimus* – наименьший» [АРЯ 2009: 153], а в *миди...* только – «англ. *mid* – средний» [АРЯ 2009: 151], надо ли сюда добавить также латинский первоисточник *medius*, а не «бросать» этимон на полдороге? В аффиксоиде *...эда* (костоеда, ногтеда) просто приведен этимон *ядать* (без каких-либо комментариев) [АРЯ 2009: 91], в то же время в явно этимологически родственном аффиксоиде *...яд* (птицеяд, змееяд) дано: «старослав. *ясти*» [АРЯ 2009: 288]. Разумеется, здесь мы сталкиваемся также с одним из «вечных» вопросов толковых словарей, дающих при слове этимологическую справку: на какую этимологическую глубину сле-

дует «опускаться» – ограничиться ли «ближней» или «дальней» этимологией, приводить ли всю этимологическую цепочку или давать этимологические звенья выборочно? Насколько объясняющей значение слова должна быть этимологическая справка, должна ли она быть непременно «говорящей» или может быть даже «глухой», как в данном случае: 2. *гамма-* (< греч. *gamma* – третья буква греческого алфавита) (гамма-железо, гамма-глобулин) [АРЯ 2009: 61]? Ясно, что решение проблемы упирается в вопрос о соотношении лингвистической и энциклопедической информации, их границ в структуре вспомогательных (факультативных) зон словарной статьи. Вызывают серьезные сомнения и возражения те случаи, когда предложенная этимология отнесена ко всем «значениям» аффиксоида; например, *...бой* (< убой) с такими «значениями»: «тот, кто занимается убоем животных, указанных в первой части слова, и обработкой их туш»; «тот, кто производит непрерывные удары по чему-л. или чем-л., указанным в первой части слова, с целью получения производственного результата»; «то, что связано с ударами, битьем, уничтожением того или тем, что указано в слове ранее» [АРЯ 2009: 42–43].

Поскольку аффиксоиды – промежуточная категория «между» лексическим инвентарем и словообразовательным, то здесь особенно трудно маркировать аффиксоидные элементы со стилистической точки зрения. Очень уместны пометы при некоторых устаревших дериватах с аффиксоидами: *бриг...* (< бригадный) Устар. [АРЯ 2009: 44]; *унтер...* Устар. [АРЯ 2009: 252] и др., поскольку показывают диахроническую картину изменения аффиксоидов (и целой лексической группы слов) в языке. В то же время в дериватах с *благо...* (благовоспитанный, благомыслящий) [АРЯ 2009: 41], *любо...* (любомудрие) [АРЯ 2009: 138] помет нет, цитаты, приведенные в АРЯ, кончаются XIX в., хотя в современном дискурсе эти аффиксоиды обрели «второе дыхание». Слабо поставленная и практически не решенная проблема (и теоретически, и конкретно-лексикографически не только в АРЯ, но и в других словарях) заключается в функционально-стилистической квалификации и природе пометы: она в аффиксоиде «лексична» (маркирует все слово) или является собственной характеристикой аффиксоида? Стилистическая нестройность наблюдается в АРЯ даже в близких, соседних словах: если в префиксоиде 1. *бета...* пометы нет (*бета-излучение*, *бета-распад*, *бета-активность*), то в омониме 2. *бета...* стоит помета «в проф. речи» (*бета-каротин*, *бета-железо*) [АРЯ 2009: 37]. Нужна ли помета в дериватах с *сурдо...* (*сурдоперевод*, *сурдопсихо-*

логия) [АРЯ 2009: 233], в то время как в других дериватах той же лексико-понятийной сферы с тифло... (тифлографика, тифлопсихолог) помета «в проф. речи» есть?

С большим сожалением надо отметить, что в АРЯ очень много опечаток (например, на с. 27: *М. Начкиной* вместо правильной формы *М. Нечкиной* и десятки других, которые я здесь просто не привожу); цитирование источников (в цитатах) не унифицировано во многих местах (на с. 84 дан источник: Metro (Пб). 13.06.2006, а на с. 86 – Метро (СПб) 24.11.2003 и мн. др.); в цитатах путаются точки и точки с запятой, иногда они просто пропущены; во многих местах не соблюдены короткие и длинные тире; не всегда выверена разрядка в этимологических справках и внутри словарных статей (например, на с. 144 в аффиксоиде *мега-ло...*; на с. 171: *олимп...* и др.); местами отсутствуют закрывающие скобки. Это, разумеется, снижает удовольствие от увлекательной работы со словарем, но также и от самого процесса чтения этого новаторского лексикографического продукта.

Вышедший словарь «Аффиксоиды русского языка» – новое явление в русской лексикографии дифференциальных словарей, он нацелен на описание языковой информации своеобразного лексико-словообразовательного фонда, который пополняется быстрыми темпами. Основной заслугой АРЯ следует признать сам факт привлечения серьезного исследовательского внимания к такому языковому инвентарю в пределах строгой и достаточно формализованной процедуры представления и описания (в рамках словаря). Это, во-первых, помогло обнажить теоретические проблемы и заострить на них внимание, во-вторых, показало трудности конкретно-практического лексикографирования и, в-третьих, заявило о необходимости выработки своей, лексикографически релевантной теории. Можно надеяться, что выход АРЯ придаст новый импульс совершенствованию методики (или даже методик) выявления этого семантико-деривационного феномена, с учетом специфики его «промежуточного» характера (между лексикой и словообразованием), целенаправленной работы по составлению банка (фонда) таких дериватов и отслеживания их реальной языковой жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

АРЯ 2009 – Е.А. Левашов (отв. ред.). Аффиксоиды русского языка. Опыт словаря-справочника. СПб., 2009.
Балли 2001 – Ш. Балли. Французская стилистика. М., 2001.

Бартков 1980 – Б.И. Бартков. Английские суффиксоиды, полусуффиксы, суффиксы и словарь 100 словообразовательных формантов современного английского языка (научный стиль и литературная норма) // Аффиксоиды, полуаффиксы и аффиксы в научном стиле и литературной норме. Владивосток, 1980.
Григорян 1981 – Э.А. Григорян. Суффиксоиды в системе современного русского языка (на материале сложений со вторым глагольным компонентом): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1981.
Ефремова 1996 – Т.Ф. Ефремова. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка. М., 1996.
Касым 2007 – Б.К. Касым. Проблемы и методологии исследования композитообразования современного казахского языка // http://www.rusnauka.com/4._SVMN_2007/Philologia/18516.doc.htm
Кузнецова, Ефремова 1986 – А.И. Кузнецова, Т.Ф. Ефремова. Словарь морфем русского языка: Ок. 52 000 слов. М., 1986.
Лопатникова, Мовшович 2001 – Н.Н. Лопатникова, Н.А. Мовшович. Лексикология современного французского языка. М., 2001.
Манучарян 1974 – Р.С. Манучарян. К типологии словообразовательных значений // ИАН СЛЯ. 1974. Т. 33. № 6.
Манучарян 1974 – Р.С. Манучарян. Словообразовательное значение в различных аспектах // Русский язык. Вопросы теории и методики. Ереван, 1976.
Нарыкова 2006 – Н.А. Нарыкова. Субсуффиксальное словопроизводство в немецком языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2006.
НСЗ-90 – Т.Н. Буцева (отв. ред.). Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века: В 2 т. Т. 1: А–К. СПб., 2009.
СМС 1997, 1998 – К.Р. Галиуллин (ред.). Словообразовательно-морфемный словарь русского языка (3 000 слов). Казань, 1997, 1998.
ССРГ 2003 – Б.И. Осипов (ред.). Словарь современного русского города. М., 2003.
Тихонов 1985 – А.Н. Тихонов. Словообразовательный словарь русского языка: В 2 т. М., 1985.
Химик 2004 – В.В. Химик. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб., 2004.
Шанский 1968 – Н.М. Шанский. Очерки по русскому словообразованию. М., 1968.
Ascoop 2005 – К. Ascoop. Affixoid-Starved? «Skitbra!» The status and use of affixoids in German and Swedish // Germanistische

- Mitteilungen Zeitschrift für Deutsche Sprache, Literatur und Kultur. Brüssel, 2005. № 62.
- Birkenmeier 1998 – *W. Birkenmeier*. Die Fachlexik im vierbändigen Wörterbuch der Akademie der Wissenschaften: Slovar' russkogo jazyka (1957–1961) // H. Steger, H.E. Wiegand (Hrsg.). Handbuch zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft. Berlin; New York, 1998. Bd. 14. Halbteil 2.
- Cannon 1987 – *G. Cannon*. Historical change and English word-formation. Recent vocabulary. New York, 1987.
- Donalies 2005 – *E. Donalies*. Die Wortbildung des Deutschen. Tübingen, 2005.
- Dunn 2000 – *J.A. Dunn*. The role of English in the development of modern Russian // L.N. Zybatov (Hrsg.). Sprachwandel in der Slavia: die slavischen Sprachen an der Schwelle zum 21. Jahrhundert. Frankfurt am Main, 2000.
- Elsen 2009 – *H. Elsen*. Affixoide: Nur was benannt wird, kann auch verstanden werden // Deutsche Sprache. 2009. № 37.
- Erben 1993 – *J. Erben*. Einführung in die deutsche Wortbildungslehre. 3., neu bearb. Auflage. Berlin, 1993.
- Fleischer 1982 – *W. Fleischer*. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. Tübingen, 1982.
- Grammatikalisierung 2005 – *T. Leuschner, T. Mortelmans, S. De Groot* (Hrsg.). Grammatikalisierung im Deutschen. Berlin, 2005.
- ISK 2004 – Iso suomen kielioppi. Suomen Kirjallisuuden Seura. Helsinki, 2004.
- Lehman, Martin-Berthet 2002 – *A. Lehman, F. Martin-Berthet*. Introduction à la lexicologie. Sémantique et morphologie. Liège, 2002.
- Leuschner, Wante 2009 – *T. Leuschner, E. Wante*. Personale Suffixoide im Deutschen und Niederländischen. Methode und Ergebnisse einer vergleichenden Korpusstudie // Germanistische Mitteilungen Zeitschrift für Deutsche Sprache, Literatur und Kultur. Brüssel, 2009. № 70.
- Mugdan 1984 – *J. Mugdan*. Grammatik im Wörterbuch: Wortbildung // H.E. Wiegand (Hrsg.). Studien zur neuhochdeutschen Lexikographie IV. Hildesheim; Zürich; New York, 1984 (= Germanistische Linguistik 1-3/83).
- Stevens 2005 – *Ch. Stevens*. Revisiting the affixoid debate: On the grammaticalization of the word // T. Leuschner, T. Mortelmans, S. De Groot (Hrsg.). Grammatikalisierung im Deutschen. Berlin, 2005.
- Tellenbach 1985 – *E. Tellenbach*. Wortbildungsmittel im Wörterbuch. Zum Status der Affixoide // Linguistische Studien Reihe A 122/ZISW. Berlin, 1985.
- Thiry et al. 2002 – *P. Thiry, J.-J. Didier, Ph. Moreau, M. Seron*. Vocabulaire français. Bruxelles, 2002.
- Wellmann 1975 – *H. Wellmann*. Deutsche Wortbildung. Typen und Tendenzen der in der Gegenwartssprache II: Das Substantiv. Düsseldorf, 1975.

A.B. Зеленин

Сведения об авторе:

Александр Васильевич Зеленин
Тамперский университет
aleksandr.zelenin@uta.fi